



**О.И. Литвинникова**  
г. Каменец-Подольский, Украина

## СЛОВА С СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ПРОЗАИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

И вся комнатка-малютка  
Расцветает вдалеке,  
Словно цветик-незабудка  
На высоком стебельке.

*Н. Заболоцкий*

Статья содержит описание структурно-семантической организации производной лексики с субъективно-оценочным значением как составляющей прозаического текста одного автора, выполненное в синхронном плане с позиций семантико-грамматического словообразования русского языка.

Субъективно-оценочное значение, дериват, мотиватор, словообразующий формант, деривационное моделирование.

Субъективно-оценочными принято считать «значения, выраженные суффиксальным способом: ласкательное, уменьшительное, уменьшительно-ласкательное, уменьшительно-уничижительное, увеличительное» [14, с. 208–209].

Называние единиц с субъективно-оценочным значением формами давно ушло, они признаны самостоятельными словами. М.В. Ломоносов, разделив умалительные имена на «ласкательные» и «презрительные», отмечал, что суффиксы в них выполняют двоякую функцию – словообразующую и эмоциональную [8, с. 473]. Возможность «превращения» уменьшительно-ласкательной формы в особое самостоятельное слово видел В.В. Виноградов, о чем писал в 1947 году [3, с. 114]. Что *стол* ← *стол*, *домик* ← *дом* – разные слова, каждое из которых обладает как своей формой, так и своей системой значений, показано В.Г. Головиным. Им же типологизированы функции аффиксов, традиционно относимых к эмоционально-оценочным [5, с. 149–153]. Как отдельные слова такие дериваты представлены в академических грамматиках русского языка 1970 и 1980 гг.

Несмотря на то что исследователи (И.С. Улуханов, В.Н. Виноградова, О.П. Ермакова, Е.А. Земская и др.) неоднократно указывали на способность морфем передавать оценочные отношения говорящего к предмету речи, до сих пор в отечественной лингвистике нет достаточно полного описания аффиксов, способных вносить оценочную коннотацию или усиливать уже имеющуюся оценочную семантику в слове-мотиваторе. Труды, претендующие на полное описание русских морфем (академические грамматики 1970, 1980 гг.), лишь указывают на стилистическую характеристику, экспрессивный характер той или иной из морфем, отмечают использование их в позитивных или негативных наименованиях реалий. На роль суффиксов при передаче чувств говорящего ука-

зывал В.В. Виноградов: «... при их посредстве выражаются самые разнообразные оттенки экспрессии: сочувствие, ирония, пренебрежение, злоба, пестрая и противоречивая гамма эмоций и оценок» [4, с. 98].

Отметим, что суффиксы, взаимодействуя с конкретно-предметным значением мотиваторов, модифицируют их в строго определенном направлении, способствуют выражению оценки, обычно сопровождаемой проявлением каких-либо чувств. Слова, содержащие такие аффиксы, широко представлены в говорах русского языка, фольклоре, активно функционируют в произведениях художественной литературы.

Материал для наших наблюдений составила *смягчающе-экспрессивная* лексика повестей и рассказов И.А. Бунина [2], преимущественно субстантивная, с редкими вкраплениями адъективных и адвербиальных производных, при полном отсутствии глаголов, используемых, как правило, лишь в разговоре с малышами (*питеньки, спатеньки, кушенькать* и под.).

Деривационное моделирование интересующей нас лексики связано с суффиксацией. Исключением является ИС *зази□мок*, в создании которого участвует дистантный словообразующий комплекс (циркумфикс) *за-...-ок*. Значение слова объяснено писателем в тексте произведения: *Скоро-скоро забелеют поля, скоро покроет их зазимок... Зазимок, первый снег* (Антоновские яблоки, с. 192–193). Словарь русских народных говоров [15, с. 92] указывает на междиалектное функционирование приведенного существительного: *смол., орл., калуж., курск., тул., моск., южн., урал., новосиб., краснаяр., ряз.* В словаре В.И. Даля [6, с. 579] ИС *зази□мок* семантизировано как 'первый снежок, небольшая ранняя пороша' (без указания места его распространения).

Образование ИС со значением '*ласкательность*' обеспечивают суффиксы: *-к-, -ок (-ёк), -еньк-, -очк-, -ушк- (-юшк-), -ик, -ц-, -иц-, -ышк- (-ишк-), -чик: не-*

делька, газетка, зоренька, батюшка, солнышко, лисица и т. д. Покажем некоторые из них в тексте: *Высвободив руки из попонки, в которую она неловко закуталась ночью, Танька вытянулась, глубоко вздохнула и опять сжалась* (Танька, с. 10). – *Я читал, – продолжал Турбин уже с усилием, – недавно в одной газетке про книжицу какого-то Весселя о профессиональном образовании* (Учитель, с. 78). *На выгоне он встретил возвращающегося с поля Глебочку. Глебочка, высокий, художавый мужик с веснушками на бледном лице и с опухшими красными веками* (Кастрюк, с. 27). – *Посмотри, сударушка, за избой, – сказал он старухе-соседке, которая около пуньки медленно скатывала холсты* (Кастрюк, с. 27). *Зажигаемые свечи осторожно потрескивали, ветерок колебал их огни* (На чужой стороне, с. 49) и др.; 'уменьшительность': -к-, -ик-, -ок (-ёк), -онок (-ёнок) – *кучка, домик, флигелёк* и т. д. Ср. в тексте: *...Кирпичного цвета лицо оживилось маленькими весёлыми глазками* (Учитель, с. 66). *Один ягнёнок, упав на колени, засовал мордочкой под пах матери и так торопливо, дрожа хвостиком и подталкивая её, стал сосать, что дед засмеялся от удовольствия* (Кастрюк, с. 23). *За дверью в коридоре похрапывает старая кухарка, жившая в господском доме ещё девчонкою* (Антоновские яблоки, с. 191) и др.; 'уменьшительно-ласкательность': -к-, -еньк-, -ок (-ек-), -ик-, -очк-, -ышк-, -ц-, -чик: *кроватка* (детская), *кусочек, кустик, звёздочка, амбарчик* и т. д. В тексте: *Танька... съёрывала с печи и, часто перебирая босыми ножками, бежала на коник, к столу* (Танька, с. 13). *Возьётся откуда-нибудь ястребок в прозрачном воздухе и замрёт на одном месте, трепеща острыми крылышками* (Антоновские яблоки, с. 184). *Поразили его только ширмочки около них <тропических растений> из матового стекла* (Учитель, с. 75). *...Ветер разносил красные искры и доносил до него отрывки разговоров, смех, звон бубенчиков на другой тройке* (Вести с Родины, с. 42). – *А я было к вам по дельцу, – начал Николай Петрович, отдуваясь...* (Кастрюк, с. 24). *Турбин с жадностью припал к чугуничку (Пить нет ли? Душа запеклась!)* (Учитель, с. 91) и др.; 'пренебрежительность': -онк (-ёнк-), -ушк-: *портчонки, кобылёнка, деревушка: ...он летел по сугробам босой, в изорванной на животе рубашонке и коротеньких портчонках* (Вести с Родины, с. 40). *Мишка торопливо сдёрнул шапчонку и ответил испуганно и покорно...* (Вести с Родины) и т. д.

В дериватах типа *печка = печь, рубашка = рубаха*, являющихся синонимами, -к- следует признать стилистическим модификатором. Имена собственные *Никитка, Танька* и под. лишь с позиций русского литературного языка можно считать обладающими субъективно-оценочным значением 'пренебрежительность', потому что в целом ряде говоров и их ономастических системах степень экспрессивности, привносимой в производные суффиксом -к-, различна или вовсе отсутствует [9, с. 105–115]. Обычно та ли иная оценка – результат взаимодействия оценочного компонента семантики мотиватора и словообразующего форманта: *хиба□рка ← хиба□ра* 'убогий домик, лачуга'. *Уничижительно-пренебрежительное значение мотиватора поглощается уменьшительно-*

*ласкательным: Турбин долго не мог без содрогания видеть её хибарки* (Учитель, с. 62). Мотиваторами для большинства ИС с таким значением выступают неприводимые по структуре с немотивированной семантикой единицы: *чуньки ← чуни, дюжинка ← дюжина, язычок ← язык, грибок ← гриб, годик ← год, таганчик ← таган, сыншика ← сын, берёзка ← берёза* и мн. др.; значительно реже – производные с мотивированной семантикой, содержащие в своей структуре суффиксы -к-, -л-, -ик, -ок, -ын, -^ -: *похмел□лочка ← похмел-к(а), капелька ← кап-л(я), старичок ← стар-ик, лесочек ← лес-ок, сударушка ← судар-ын(я), подковка ← подков-^-(а)* и т. д. Образования, мотивирующиеся производными ИС с оценочной семантикой, обозначают, как правило, усиленную степень ласкательности: *голосочек ← голосок*.

В зависимости от контекста и интонации дериваты с одним и тем же суффиксом могут выражать различные, нередко противоположные чувства и представления, следовательно, основными средствами выражения субъективно-оценочного значения корректнее считать не суффиксы, а контекст и интонацию, о чем справедливо писал В.М. Никитевич [12, с. 81]. Связано это с тем, что гамма человеческих чувств необычайно сложна, а отдельные из эмоций человека проявляются в самом причудливом переплетении, хотя носят временный характер, видоизменяясь от случая к случаю, будучи во многом субъективны.

Использование И.А. Буниным в одном небольшом по объёму тексте нескольких единиц с субъективно-оценочным значением, как одно-, так и разномодельных, способствует усилению степени ласкательности, подтверждая положение о высокой продуктивности ИС с субъективно-оценочным значением в разговорной и художественной речи, высказанное авторами Русской грамматики-80 [14, с. 208–209]. *...Всё было серо, тихо в деревушке, приютившейся около лоцинки* (Вести с Родины, с. 41) и под.

Семантика имён прилагательных – обозначение качества – сама по себе связана с оценкой этого качества. В немногочисленных ИП с суффиксами -оват(-еват-) заключено значение «смягченной, уменьшенной степени качества, названного мотиватором». Все мотивирующие являют собой качественные (по разряду) ИП, немотивированные, обозначающие цвет: *Небось и они все глядят в эту загадочную голубоватую даль...* (На край света, с. 53). *В окна брезжил синеватый холодный свет утра...* (Танька, с. 10). *...Он шёл и любовался деревней, синими резкими тенями около строений и горизонтом зеленоватого неба над лёгким лесочком в снежном поле...* (Учитель, с. 70). ИП с -оньк(-еньк-) использованы И.А. Буниным чаще приведенных выше. Все они имеют ласкательное экспрессивное значение. Мотивированы неприводимыми ИП лексико-семантических групп 'цвет, мать': *Танька запотела, глазки у неё блестели ясными звёздочками, шелковистые беленькие её волосики были причёсаны на косой ряд, и она походила на мальчика* (Танька, с. 17). *Павел Антоныч причесал её, подпоясал голубеньким пояском* (Танька, с. 18). *...Как и они, любил хвастнуть своей рыженькой троечкой <о лошадях>* (Учитель, с. 67, 73, 87); 'размер, воз-

раст': **Маленькие**, склеенные из кусочков, мутные стёкла (Кастрюк, с. 25); **маленькая** гостиная (Учитель, с. 84); **маленькие** хижинки (Перевал, с. 9); **коротенькие** порточки (Вести с Родины, с. 40; Антоновские яблоки, с. 180); *Но отчаяннее всех улепётывала по деревенской улице **маленькая** белоголовая девочка в одной рубашонке* (Кастрюк, с. 20); 'физическое состояние человека': **косенькая**, миловидная и тихая девочка (Учитель, с. 65); **худенькие** плечи (На чужой стороне, с. 46); 'форма': **кругленький** мерин (Кастрюк, с. 26). Малочисленность производных ИП с субъективно-оценочным значением связана с тем, что они образуются от исконно русских по происхождению качественных (по разряду) прилагательных, функционирующих в произведениях художественной литературы, народной речи и фольклоре, о чем, вне всякого сомнения, писатель прекрасно знал.

Наречия, имеющиеся в нашем распоряжении, представлены единичными дериватами со значением 'ласкательность', созданы в основном при помощи суффикса -онько (-енько) и мотивированы производными (от ИП) наречиями, исконно русскими по происхождению: *Старик поглядел на его худенькие плечи... потом тихонько отвернулся* (На чужой стороне, с. 46). – *Давненько я не брал в руки шашек, – говорил Сергей Львович, кряхтя и усаживаясь за рояль* (Учитель, с. 83). ...*Звучала тогда величаво-грустная «дума» о том, «як на Чорному морі, на білому камені сидить ясен сокіл-білозірець, жалибненько квилить-проквиляє...»* (На край света, с. 51). Исключение составляет наречие **бочком**: ...*успеть задержать собой на раскате сани и снова вскочить бочком на облучок* (Танька, с. 16). Это наречие может быть рассмотрено как полимотивированное: ИС **бочо**□к со значением 'ласкательность' и наречием **бо**□ком, названное значение которому сообщает инфикс -к- (боч-к-ом ← бок-ом). Мы солидарны с П. Катышевым в том, что полимотивация деривата, будучи способом интенсифицированной реализации осно□вной аналогии, представляет собой интерес как показатель развития и воплощения механизмов языкового ассоциирования, как коррелят психической динамики индивида и возможная основа языковой личности, как эталон существования в речи осно□вного повтора, демонстрирующего адаптивность языка к трем базовым надсистемам – человеку, социуму, универсуму [7, с. 695]. А.Н. Тихонов в связи с анализом словообразовательной структуры наречий отмечал, что «суффиксы оценки наречий присоединяются не к производящей основе, а вставляются внутрь основы перед наречным суффиксом», имея в виду межморфемный инфикс -к- в наречии **бочком** [16, с. 15]. Общепринятого определения инфикса нет до сих пор. Одни языковеды считают его аффиксом, вставленным внутрь корня [19, с. 112; 11, с. 62], другие – аффиксом, вставленным внутрь основы [18, с. 142; 1, с. 182]. В Словаре лингвистических терминов Ж. Марузо инфикс определен как аффикс, вставляемый «внутри слова, иногда даже в самый корень» [10, с. 125]. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий представил инфикс как «аффикс, вставляемый внутрь корня при словообразовании и формообразовании» [17,

с. 527]. Как «аффикс, вставляемый внутрь корня основы при словоизменении и словообразовании», инфикс определен в Справочнике лингвистических терминов Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой [13, с. 122].

По одному примеру дериватов отнаречной производности с суффиксами -шка и -ышком: – *Насилушка убёг, – говорил он, запыхавшись, и его глаза сверкали радостью* (Вести с Родины, с. 40). *А когда лошади спокойно вникли в корм и прекратилась возня улегшихся **рядышком** ребят, ...с благоговением стал на колени и долго молился на тёмное, звёздное, прекрасное небо, на мерцающий Млечный Путь – святую дорогу ко граду Иерусалиму* (Кастрюк, с. 29).

Обращение к фактическому материалу прозы И.А. Бунина обусловлено проникновенным вниманием писателя к национальным особенностям русского языка и тщательной работой над словом, как и безупречным владением им. Речевая ткань прозаических произведений Ивана Алексеевича – органичное сочетание различных элементов русского национального языка – от нейтрально-книжной лексики до просторечно-диалектных, фольклорных слов и выражений. Оценочный компонент значения производного слова ярче проявляется, когда слово не нейтрально, а стилистически маркировано. В тексте оценка, как правило, связана с общим содержанием повести или рассказа. Субъективно-оценочное пространство малых жанров прозы Бунина заполнено преимущественно положительно окрашенными дериватами, мягкими, отзывчивыми, колоритными, вызывающими добрые чувства. Даже слова со значением 'пренебрежительность' звучат мягко в названиях-характеристиках. Предпочтение наименований с *уменьшительно-ласкательным, уменьшительным* или *ласкательным* значением писателю просто необходимо: они участвуют в его постоянном стремлении найти в мире «сочетание прекрасного и вечного». Производные, рассмотренные в статье, созданы в соответствии с нормами литературного языка. Среди них нет ни заимствованных, ни окказиональных единиц, русское слово погружено «в живую воду сердца, в чистую влагу любви, печали и нежности». Красота и изящество слога великого И.А. Бунина состоят в правильности и уместности расположения каждого слова, в том числе – дериватов с субъективно-оценочным значением, дальнейшее внимательное изучение которых не только на примере прозы одного автора, но произведений русской художественной литературы, публицистики в системе народной и диалектной речи откроет немало важного как о самом Человеке, так и его языке.

#### Литература

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Москва, 1966. – С. 182.
2. Бунин, И.А. Повести и рассказы 1890–1909 гг. / И.А. Бунин. – Москва: Худож. лит., 1965. – 526 с.
3. Виноградов, В.В. Русский язык / В.В. Виноградов. – Москва; Ленинград, 1947. – С. 114.
4. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – 2-е изд. – Москва: Высшая школа, 1972. – С. 98.

5. Головин, В.Г. Очерки по русской морфемике и словообразованию / В.Г. Головин. – Воронеж: ВГУ, 1990. – С. 149–153.
6. Даль, Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / Владимир Даль. – Москва: Русский язык, 1978. – Т. 1. – С. 579.
7. Катъшев, Павел. Полимотивация деривата как проявление структурных детерминант русского языка / Павел Катъшев, Светлана Соколова // *Slowo, Tekst, Czas X. Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmatach naukowych*. – Szczecin – Greifswald, 2010. – S. 695.
8. Ломоносов, М.В. Полное собр. соч. / М.В. Ломоносов. – Москва; Ленинград, 1952. – Т. 7. – С. 473.
9. Максимов, В.И. Стилистические, оценочные и экспрессивные свойства суффиксов / В.И. Максимов // *Материалы по русско-славянскому языкознанию*. – Воронеж, 1969. – Вып. 4. – С. 105–115.
10. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – Москва, 1960. – С. 125.
11. Нечаев, Г.А. Краткий лингвистический словарь / Г.А. Нечаев. – Ростов-на-Дону, 1976. – С. 62.
12. Никитевич, В.М. К вопросу о категории оценки в русском языке / В.М. Никитевич. – *Филологические науки*. – 1960. – № 3. – С. 81.
13. Розенталь, Д.Э. Справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – Москва, 1972. – С. 122.
14. Русская грамматика. – Москва: Наука, 1980. – Т. 1. – С. 208–209.
15. Словарь русских народных говоров. – Ленинград: Наука, ЛО, 1974. – Вып. 10. – С. 92.
16. Тихонов, А.Н. Образование наречий в синхронном освещении / А. Н. Тихонов // *Труды Самаркандского пединститута им. С. Айни. Новая серия*. – Самарканд, 1969. – Вып. 170. – С. 15.
17. Тихонов, А.Н. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлёва, М.А. Лапыгин, А.Г. Ломов, Л.В. Рацибурская, Е.Н. Тихонова. – Москва: Флинта – Наука, 2008. – Т. 1. – С. 527.
18. Фортунатов, Ф.Ф. Сравнительное языкознание: Общий курс / Ф.Ф. Фортунатов // *Избранные труды*. – Москва, 1956. – Т. 1. – С. 142.
19. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию / Н.М. Шанский. – Москва, 1968. – С. 112.

Рецензент – Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

**O.I. Litvinnikova**

#### **WORDS WITH SUBJECTIVE EVALUATION MEANING IN A PROSAIC TEXT**

The article contains a description of the structural and semantic organization of derivative vocabulary with subjective evaluation meaning as a component of the prosaic text by one author. The analysis is performed according to a synchronism approach and the theoretical principles of semantic and grammatical word-formation in the Russian language.

Subjective evaluation meaning, derivative, motivator, word-building formant, derivation modeling.